Наложница правящей семьи

Автор:
Анастасия Вкусная

Наложница правящей семьи

Анастасия Вкусная

Дэвина+Кэрридан #1

Дэвина: «… ритуальные ленты на запястьях и лодыжках – знак моего нынешнего статуса. Наложница. Отныне и навсегда. Широкие темно-фиолетовые куски ткани, словно кандалы, лишили свободы, собственного мнения и каких-либо надежд. Цвет правящей семьи арш Параваль. А я – собственность старшего сына и первого кандидата унаследовать этот город».Кэрридан арш Параваль: «… бежать надо было еще раньше, пока не попробовал ее вкус. И не вспомню, сколько женщин у меня было, но далеко не всех хотелось попробовать. От Дэвины не оторвался бы… Месяц ходил вокруг да около, но так и не смог понять, чем манит. Красивая? Бесспорно! Но это не привычная красота различных шоу-див. С другой стороны, и не тихая забитая мышь. Как вспомню ту пощечину, щека зудеть начинает. И сегодня пыталась сопротивляться, хотя уверен, ей сто раз сказали, чтобы не делала этого. Так что с ней не так? Или, может, со мной…».

Анастасия Вкусная

Наложница правящей семьи

Дэвина

Я дрожала, стоя на ледяном каменном полу. Пыталась согреться, обхватив себя руками. Это не помогало, ведь из одежды на мне лишь платье из органзы да ритуальные ленты на запястьях и лодыжках – знак моего нынешнего статуса. Наложница. Отныне и навсегда. Широкие темно-фиолетовые куски ткани, словно кандалы, лишили меня свободы, собственного мнения и каких-либо надежд. Цвет правящей семьи арш Параваль. А я – собственность старшего сына и первого кандидата унаследовать этот город.

Сильнее холода, царящего в подвалах этого древнего дома, пробирало молчаливое, похотливое внимание мужчин, оценивающе оглядывающих щедрый подарок, преподнесенный градоначальником собственному сыну. Любимчик отца, баловень судьбы, похититель женских сердец и один из известнейших, богатейших и влиятельнейших гемозависимых нашего времени. Сегодня его день рождения, и здесь собрался цвет не только города, но и всего континента. Женщин нет, на таких мероприятиях могут присутствовать лишь несчастные, подобные мне. Хотя не все сочли бы мое положение, заслуживающим сочувствия. Теперь я под защитой и на полном обеспечении правящей семьи. Мне не нужно думать о завтрашнем дне, о пропитании и крыше над головой. Вообще можно не думать ни о чем, ведь моя жизнь закончилась еще позавчера в кабинете градоначальника, когда я подписала свое полное согласие на все и отказ от претензий в случае непредвиденных исходов этой сделки. А они могут быть не самыми радужными – от регулярной сексуальной повинности до столь же регулярного предоставления собственной крови для удовлетворения иного голода. И то, и другое в результате может привести к существенному вреду здоровью и даже смерти. И на все это я подписалась сама.

Градоначальник, наконец, заметил мою хрупкую фигуру, укутанную в полупрозрачную ткань, посмотрел пронзительно и чуть свирепо. В этом не было необходимости, даже если передумаю, отступать мне некуда. Никого и ничего за спиной, особенно, чтобы противостоять гемозависимым. Любым, не обязательно столь высокопоставленным. Как и большинство людей, я абсолютно беззащитна перед их волей и желаниями. Глаза в очередной раз защипало от подступающих слез. Но плакать смысла нет. Надо было делать это раньше – в тот вечер, когда Кэрридан арш Параваль зашел в ресторан, куда я с таким трудом устроилась официанткой. Стоило поплакать, попрощаться с только что обретенной стабильностью и бежать, куда глаза глядят – и из ресторана, и из города. Если бы поступила так в первый же вечер, тогда у меня еще мог быть

хотя бы призрачный шанс не стать подарком на сегодняшнем празднике.

– Кэрр, посмотри, кто здесь, – вкрадчиво проговорил Шастодан арш Параваль. – Ты ведь ее хотел? Теперь она твоя. Ну же, посмотри, сынок!

Кэрридан поднял глаза, затуманенные вербеной, которую гемозависимые курили, словно обычные сигареты. Последние четыре недели я пристально следила за новостями о жизни наследника арш Паравалей – мне хотелось подгадать вечера, в которые он надумает заявиться в «Кровь и сухари», чтобы срочно поменяться сменами с кем-нибудь. Впрочем, предугадывать не очень получалось. Зато информацию о погромах, драках, скандалах с любовницами я получала исправно. И теперь у меня нет и малейших иллюзий относительно моего положения – меня подарили чудовищу. Избалованному деньгами и вседозволенностью, привыкшему все получать по щелчку пальцев и, если верить сплетням, считающему людей существами низшего порядка. Да что уж там – все гемозависимые так считают, но не все имеют возможность открыто высказываться о таком. Ведь официально мы равны. Именно об этом было подписано соглашение после последней разрушительной войны. И хоть у человечества не было и шанса, считается, что первоначально именно мы угнетали гемозависимых, вынуждая их скрываться, погибать из-за отказа от употребления необходимой пищи, а иногда и вовсе открывая на них охоту вплоть до полного истребления малочисленных и редко встречающихся поселений.

После того мирного соглашения бывшие притесняемые заняли все руководящие посты. Люди больше не принимали решений даже о собственной жизни, об охотах и гонениях не могло идти и речи. Тем более были проведены показательные суды и казни. Теперь прятались уже люди. Те, кто был не согласен с новым мироустройством. Это случилось пять поколений назад. Я знаю об этом лишь из учебников. Вот только уверена, то начальное образование, что в основном получают человеческие дети, не может охватить достаточного объема знаний, чтобы хотя бы попытаться критично взглянуть на вбиваемую в наши головы картину мира.

– Что она здесь делает? – сухо проронил, лишь на мгновение задержав взгляд на мне.

Босой, в простых черных брюках и почти полностью расстегнутой белоснежной рубахе. Бледный, что не удивительно для гемозависимого, осунувшийся, что

странно для такого засранца, и почему-то очень злой в свой день рождения.

– Подарок. Дэвина согласилась войти в нашу семью в качестве твоей наложницы.

– Вот как…

Кэрридан одарил меня уже совсем иным взглядом темно-фиалковых глаз. Сколько раз я ловила такой же, осторожно двигаясь между столиками по вечерам. Кажется, он, наконец, рассмотрел и непотребное платье и ленты цвета арш Паравалей.

– Впрочем, если я не угодил тебе, можешь делать с ней все, что захочешь.

Об этом я тоже была предупреждена официально. Если Кэрридан не примет меня, то может отдать гостям, братьям, друзьям или любому мужчине, входящему в семью, кто пожелает меня. Как в качестве постоянной наложницы, так и просто поразвлечься разок. В этом случае место мое отныне будет не в его комнатах, а в крыле прислуги. Все равно буду считаться собственностью семьи, но отрабатывать свое содержание придется иначе – кухня или прачечная, возможно, определят в горничные. Работы я не боюсь, боюсь того, что произойдет перед этим. Впрочем, тут мне особой разницы нет – Кэрридан или кто-то другой из арш Паравалей. Несмотря на популярность у женщин, старшего сына градоначальника невзлюбила, кажется, с первого взгляда. Заносчивый, самодовольный наглец, привыкший лапать любую симпатичную человеческую женщину и ждущий восторгов по этому поводу. От меня он восторгов не получил, а получил пощечину. Звонкую, как бой колокола по моей дальнейшей спокойной и относительно благополучной жизни. Этот удар дорого обошелся не только мне. Директор ресторана чуть не схлопотал инфаркт и точно разжился седыми волосами. Прибежал, орал и стыдил меня, раболепно извинялся перед пострадавшим и, судя по всему, готов был ползать на брюхе, лишь бы замять этот скандал.

Я тогда лишь смотрела на обидевшего меня мужчину во все глаза и никак не могла до конца осознать, на кого именно подняла руку, и чего мне теперь это будет стоить.

– Все в порядке. Не надо никого увольнять, – сказал тогда арш Параваль, потирая ушибленную щеку. – Бутылки скотча в качестве извинений будет вполне

достаточно.

Директор, не ожидая, пока выйду из ступора, утащил меня из зала и убежал в бар выполнять пожелание дорогого гостя. Я же, чуть придя в себя, скинула передник, схватила свою сумку и бросилась бежать в надежде спрятаться дома от этого дня и от последствий своего импульсивного поступка. Тогда и подумать не могла, что стоит опасаться не гнева наследника города, а его интереса.

– Угодил, – ответил Кэрридан после длинной паузы, во время которой мое сердце едва не выпрыгнуло из груди в ожидании приговора. – Спасибо, папа. Это именно то, чего я хотел.

Мой теперь уже полноправный владелец встал и, взяв плед со спинки дивана, пошел ко мне. Была так напугана, что совсем позабыла как же здесь холодно. У людей и гемозависимых разные идеальные температурные режимы. Они предпочитают более холодные помещения, меньше света, однообразный рацион питания. Зато с беспрецедентной страстью относятся ко всему, что связано с деньгами, властью или сексом.

Кэрридан остановился в одном шаге от меня. Почувствовала пьянящий запах его дорогущей туалетной воды и мощную ауру власти. Смотрит насмешливо, чуть прищурившись. Он сыт, несмотря на не слишком здоровый и радостный вид. Не поднимаю головы, как учили. Мне теперь вообще не стоит делать что-то без приказа или разрешения. Мужчина накинул плед на мои плечи, едва коснувшись моего тела руками, и увлек в сторону дивана. Заняла место рядом с ним, все также глядя в пол.

– Принесите горячего чаю и подогретого вина, – сухо скомандовал прислуге, притаившейся невидимыми тенями в ожидании повелений хозяев.

Под низким кофейным столиком расстелен ковер, и это становится спасением для моих замерзающих ног. Кэрридан тем временем снял ленты, покрутил в пальцах и кинул на стол.

– К чему весь этот театр? – хмыкнул.

– Это не театр, сынок. Это традиции.

– Я думал, мы слишком современны для подобного.

– Я тоже, но ты не оставил мне других вариантов.

Как только арш Параваль-младший принял меня в качестве своей наложницы, прочие мужчины в комнате потеряли ко мне интерес. Теперь я интересовала их не больше, чем цвет мебели или цены на яблоки в ноябре. Вещь, принадлежащая более сильному. С Кэрриданом в принципе никто не желал связываться, а уж из-за женщины тем более. Мне бы выдохнуть, но самое неприятное еще впереди. И то, что он попросил вина для меня, не оставляло и шанса избежать выполнения договора сегодня же.

Спустя пару минут на столике передо мной появились две чашки с дымящимися напитками. Обычная фарфоровая чайная пара и высокий стакан с вином. Подали также разнообразные затейливые сладости, которые, впрочем, не вызвали у меня ни интереса, ни аппетита. Кэрридан настойчиво подвинул ко мне стакан с теплым вином и специями. Взяла его, погрела ладони о чуть горячее стекло и послушно отхлебнула. Послушание – залог спокойной и обеспеченной жизни. А еще долгой, потому что покладистая и сговорчивая наложница имеет больше шансов не быть выпитой досуха или покалеченной в приступе ярости. Конечно, подобное не афишировалось, но тут градоначальник действительно сильно подстраховался и оформил все надлежащим образом. И самым наихудшим для меня.

2

Дэвина

Медленно потягиваю остывающее вино, в голове постепенно становится гулко и пусто. Мужчины вокруг ведут какие-то непонятные, скучные разговоры. На меня никто не обращает внимания, лишь Кэрридан изредка чуть поворачивает голову в мою сторону и хлещет вскользь довольно неприятным взглядом. Ждать ласки от него точно не стоит, но, кажется, половины стакана легкого алкоголя хватило, чтобы мне даже это стало безразлично. Раньше надо было думать. И держать себя в руках. И бежать. Но я так до конца и не смогла поверить в то, что этот мужчина вспомнит обо мне уже на следующий день. Так утешала себя

дней десять, а когда поняла, что бесполезно – он не отступится, меня вызвал директор и сообщил, что теперь за мной присматривают люди арш Параваля.

– И, если ты не хочешь, чтобы ситуация из плохой превратилась в очень плохую, то… – он замолчал, вытер испарину со лба, явно подбирая слова. – В общем, почитай новости, что обычно происходит с непокорными дурами вроде тебя.

– Я – свободный человек, – и, безусловно, дура, но это не запрещено законом.

– Ты свободна ровно до тех пор, пока он это позволяет. Кэрридан арш Параваль тебе и потерю свободы организует, и потерю работы, рассудка, сна и покоя, да и жизни, в конце концов.

– Он приглашает меня к себе. Я не могу согласиться, – с удовольствием бы расплакалась, но какой в этом смысл? – Это неправильно, неприлично!

– К себе? Ну разве если только в машину. Сними розовые очки, девочка! Ему попользоваться на раз! Просто дай ему это – хоть в подсобке, хоть в отеле. И он тут же забудет о тебе!

– Надеюсь, что он просто забудет обо мне.

– Зря, – расстроенно выдохнул директор.

Тогда я и сама это уже понимала. Но не знала, что могу сделать, чтобы наконец-то все закончилось. Самой позвать его в подсобку или отель? Ведь вопреки словам директора, арш Параваль не предпринимал ровным счетом ничего. Да и пригласил меня уехать с ним из ресторана всего однажды. Я тогда так опешила, что просто замерла, уставившись на него и надеясь, что ослышалась. Он смотрел в ответ, зло прищурившись, сжав губы в тонкую линию. Это точно не было приглашением на свидание или чем-то подобным, но оформить свое предложение окончательно он тогда так и не смог. Я растеряно пролепетала что-то о том, что мне надо работать, и сбежала в туалет. А когда вернулась, его уже не было в зале.

То, что тогда так и осталось невысказанным, мне очень доходчиво пояснил градоначальник примерно через две недели.

– Мой старший сын хочет тебя. Понятия не имею, почему именно ты, но он всегда получает, что хочет. И тебя получит. Насколько болезненным и травмирующим опытом это будет для вас обоих решать тебе.

Далее мне подробно были разъяснены все преимущества положения наложницы, особенно в сравнении с моей нынешней жизнью. Да, гордиться мне нечем – бесконечная работа в попытке обеспечить себя съемным углом и едой. Да и работу было не так просто найти после сомнительного сиротского пансионата.

Закончил Шастодан арш Параваль банальными угрозами. Видимо, не надеясь, что такая тупица, как я, самостоятельно поймет, чем ей грозит отказ. Могла его понять, ведь буйный нрав наследника известен далеко за пределами территорий их семьи. А последнее время, если верить газетам, Кэрридан абсолютно слетел с тормозов. Не понимала только одного, каким образом мое согласие стать наложницей, сможет это поправить. Хотя, возможно, я сделала неправильные выводы, и никакой связи здесь не было.

Я все подписала в тот же день. Быть изнасилованной и растерзанной гемозависимым в аффектном состоянии мне совсем не хотелось. Лучше сделать это добровольно и получить хоть что-то от сложившейся ситуации. Считала, что арш Параваль быстро мной натешится, и меня сошлют в какое-нибудь дальнее имение, где буду спокойно натирать столовое серебро и не беспокоиться о еде на завтра.

Но пока все это – лишь предположения. А мне остается только следовать советам пожилой гемозависимой женщины, которая, по всей видимости, очень давно работает в доме арш Паравалей. Хотя ничего особенного она и не сказала – смирись, подчиняйся, попытайся понравиться. А еще, что сначала будет больно и неприятно, но это пройдет. Она напоила меня какой-то настойкой.

– Пей. Будет полегче.

Выпила, хотя принимать еду и питье у незнакомцев не входит в список моих привычек. Как раз напротив, я довольно подозрительна и с осторожностью отношусь к новым знакомым. Но это не черта характера, а разумная осмотрительность в современных реалиях. К сожалению, человеческая жизнь давно ничего не стоит. Особенно, если за тебя некому вступиться и даже некому

оплакать. Так что я все послушно проглотила, и даже почти не поморщилась, хотя на вкус это и было ужасно. Теперь вот допиваю вино. И если честно, я так извелась за последние пару дней, что мне уже все равно. Замуж за единственного я не собиралась, хранить себя для любимого – тоже. Хотя считала, конечно, что мой первый раз будет менее экзотичным. Пусть все и оформлено официально, традиция эта давно позабыта. Женщин больше нет смысла дарить друг другу. Они и так с удовольствием падают в кровати гемозависимых без всяких гарантий и обещаний со стороны тех. Считается, что они потрясающие любовники. Но я и этого не узнаю. Просто не с кем будет сравнить. Люди со статусом «собственность семьи» уже не могут завести обычные отношения. Так что в перспективе из личной жизни у меня только другой\другие гемозависимые. Прислуге также не позволены интимные контакты в целях контроля размножения и из-за необходимости тратить средства на лечение нехороших болезней. Гемозависимые в этом смысле в принципе стерильны. И это, пожалуй, единственный плюс в сложившейся ситуации. Несмотря на обширные личные связи Кэрридана арш Параваля, хотя бы не подцеплю от него ничего.

Незаметно допиваю вино и перехожу к остывшему чаю. Я немного согрелась и почти смирилась. Любой из арш Паравалей в качестве первого мужчины – не так уж плохо. Многие мне и вовсе позавидовали бы. Внутри пусто как после долгих слез, но глаза сухие. Не стану плакать, не так, чтобы он видел.

Скучные деловые разговоры постепенно смолкают, и гости переходят к пожеланиям. Не знаю, зачем Кэрридану еще больше денег, женщин и власти. Но именно это ему желают практически одинаковыми словами. Мой хозяин на это только снисходительно улыбается, вольготно развалившись на диване рядом со мной. Незаметно его бедро начинает касаться моего, и я бы отсела, но некуда. Алкогольный дурман резко выветривается, и я вспоминаю, зачем я здесь и в качестве кого. Просто вишенка на торте, подарок, который он развернет чуть позже.

Не знаю, сколько продолжаются поздравления – слушать о том, какой Кэрридан замечательный и потрясающий немного утомительно и где-то даже смешно. Уверена, даже эти гемозависимые его побаиваются, что уж об остальных говорить. Наконец, голоса стихают, а бокалы с ярко-красной жидкостью пустеют. Не думала, что мне когда-то удастся увидеть трапезу нелюдей, да еще так близко. Хотя на что тут жаловаться – главное блюдо не я, и на том спасибо. Еды на столах совсем нет, они едят только при людях для поддержания легенды

о своей нормальности относительно нашего вида. В остальных случаях им это не нужно. И хоть его столик в «Кровь и сухари» каждый вечер ломился от деликатесных блюд, я видела, что он всегда голоден.

Арш Параваль все чаще бросает на меня колючие взгляды. Нечеловеческая бледность прошла, в глазах появились чуть заметные алые отсветы. Сытые гемозависимые – лучшая версия их самих, и я не могу отрицать, что Кэрридан потрясающе красив. Гемозависимые не снимаются в кино и не расхаживают по подиумам, считают это недостойными занятиями. Но ни один человеческий представитель шоу-бизнеса не может сравниться с ними по красоте или притягательности. Особенно если они сыты. У моего хозяина красивые руки, с длинными аристократическими пальцами. Рельефные мышцы перекатываются под тонкой тканью рубашки. Длинная мощная шея, которую сейчас закрывают распущенные волосы до плеч. Обычно он собирает их в низкий короткий хвост. Цвет абсолютно черный, как сама тьма, при любом освещении. А вот глаза отливают то темно-фиолетовым, то алым. Впрочем, когда он смотрит на меня и глаза обычно всепоглощающе-черные. Острые скулы, чуть капризный тонкий рот – Кэрридан арш Параваль был бы красив даже человеком. Жаль, что во мне он вызывает лишь страх и протест.

Спустя какое-то время он встает, прощается со всеми снисходительной улыбкой и идет к выходу. Я, похоже, прилично пьяна, потому что никак не соотношу это с собой и своими действиями.

– Иди за ним! – шепчет мне на ухо арш Параваль-старший. – И будь милой! Если он останется доволен, получишь дорогой подарок!

Неуверенно встаю и спешу за хозяином, который и не подумал хотя бы разок обернуться. Дорогой подарок – это хорошо. Можно продать, обеспечив себе хоть какую-то независимость в случае непредвиденных ситуаций. А еще, если денег будет много, можно даже попытаться сбежать. Такие случаи известны. Заканчивается это, правда, для беглянок не всегда хорошо, но из Англии довольно быстро можно попасть в Европу по воде, а оттуда большая часть мира открыта.

Снова иду по каменному полу и чувствую, как пальцы ног начинают коченеть. Арш Параваль явно не испытывает подобных неудобств, удаляясь в сторону коридора. Теперь у меня есть хотя бы плед, в который кутаюсь и от холода, и от взглядов, которыми гости снова жалят меня, едва Кэрридан отворачивается.

Понимаю, что если хозяин откажется от меня спустя небольшое время, стать тихой и незаметной горничной мне не грозит. Многие захотят попробовать девку, за которой наследник бегал больше месяца.

Мы, наконец-то, выходим из этого темного, мрачного и холодного зала, идем по уже знакомому мне коридору, поднимаемся по лестнице на три этажа. Раньше выше первого я не бывала, но мне сказали, что со следующего начинаются личные покои семьи. Видимо, так и есть, потому что с лестницы мы ступаем на мягкий толстый ковер, по которому и идем дальше между множества дверей. Хотя, наверное, это мне с непривычки думается, что их так уж много. Снаружи дом не кажется таким уж огромным. Кэрридан останавливается почти в самом конце анфилады и толкает ближайшую дверь. Жестко усмехается и жестом предлагает войти первой. Страх, который гнала от себя весь вечер, стремительно скручивается где-то в области солнечного сплетения. Дышать становится тяжело, я смотрю на мужчину во все глаза, пригвожденная собственными эмоциями к полу.

– Я всего лишь пытаюсь быть вежливым, – говорит он низко и хрипло, пребывая явно не в восторге от моего ступора.

– Там темно, – пищу, едва справляясь с голосом.

– Да, – чуть раздраженно кивает. – И днем чаще всего тоже.

Тем не менее, Кэрридан не настаивает больше, входит сам, щелкает выключателем. Тусклый свет от настенных светильников лениво растекается по стенам и освещает неожиданно не очень большую комнату с минимумом мебели. Не хочу бесить его еще больше, поэтому задвигаю свое недоумение и шагаю следом.

3

Дэвина

Стоит переступить порог, как он разворачивается, снимая рубашку. Одежду бросает прямо на пол, не особо заботясь о порядке. Да и положить ее, в общем-то, больше некуда. В комнате только огромная кровать, да две двери по бокам от нее. Я снова замираю испуганной птицей под его немигающим алым взглядом. Арш Параваль подходит ко мне, наклоняется, почти касаясь моего лба губами, и закрывает дверь, о которой я совсем забыла. Звук щелкающего замка взрывается во мне паникой, я до боли в пальцах сжимаю края пледа, и Кэрридану стоит определенных усилий заставить меня отпустить ткань. В конце концов, после небольшого сопротивления, все же подчиняюсь, и плед летит на пол, к его рубашке. Хозяин хмурится, и я запрещаю себе продолжать в том же духе. Да, этой ночью я кое-что потеряю, но это будет не моя жизнь.

Какое-то время мужчина молча меня разглядывает. Мне кажется, он пытается погасить возникшее недовольство, но я не могу быть в этом уверенной. Затем тянется к моим волосам и снимает темно-фиолетовую ленту. Густые, темные пряди волнистыми локонами рассыпаются по плечам и спине. Я редко их распускаю. Наставницы в пансионате говорили, что не стоит, потому что можно привлечь нежелательное мужское внимание. И я следовала их советам, но все равно стою сейчас перед чудовищем арш Паравалем.

Платье он просто рвет одним движением сверху вниз. Я настолько шокирована подобным, что не двигаюсь и не издаю ни звука. Лишь тяжело дышу, стараясь не поднимать на него глаз.

– Ложись, – бросает хрипло и кивает в сторону кровати, а сам обходит меня и идет к ближайшей двери.

Смотрю, как скрывается в ванной, и иду выполнять приказанное. Кровать застелена тяжелым роскошным покрывалом. Следует ли убрать его? Провожу рукой по ткани – довольно грубая материя, не хочу оказаться на ней обнаженной кожей. Осторожно снимаю покрывало и оставляю его в изножьи. Постельное белье тончайшее, я и не видела такого никогда. Местами вышито причудливыми рисунками – белым на белом. Рассматриваю переплетение нитей, прикасаюсь – что угодно лишь бы не думать, что дальше.

Кэрридан возвращается довольно быстро, снова хмурится, глядя на очередное неповиновение. Правда быстро отвлекается, разглядывая мое обнаженное тело.

– Я не знаю, как ложиться, – прячу глаза от смущения.

Хотя с чего бы? Он точно в курсе, что я девственница. Гемозависимые прекрасно чувствуют такое, да и в наложницы с сексуальным багажом не попадают. Людей они предпочитают чистых во всех смыслах.

– На спину, – бросает достаточно агрессивно.

Похоже, ему надоело со мной возиться. Неуверенно улыбаюсь и делаю, что приказано. Спустя секунду он оказывается рядом. Неосознанно зажмуриваюсь, хотя это и не самый умный поступок. Но хозяину, кажется, уже все равно. Он прижимается ко мне сбоку всем телом и рычит что-то неразборчивое, зарываясь носом в волосы. Пальцами прикасается к лицу, губам, ведет по шее, гладит грудь, потом живот. Опускается ниже, и я пытаюсь увернуться, широко распахивая глаза. Арш Параваль явно не собирается и дальше со мной церемониться, он просто кладет свое бедро поверх моих ног, лишая возможности активно двигаться. Смотрю на него, уже не боясь прямого взгляда. Он трется о мою ногу кое-чем, что пугает меня значительно сильнее. Почти до обморока, я просто не верю, что физиологически это возможно. В пансионате нам рассказывали, да и женщина, которую здесь ко мне приставили, Эмма, кажется, сказала пару слов.

Кэрридан, очевидно, наслаждается моими эмоциями. Смотрит настырно, ухмыляется. Хочется стереть эту улыбку с его холеного лица, но однажды я уже допустила подобную ошибку, и не хочу повторять.

– Мне страшно, – говорю правду, надеясь, что он оценит.

– Считается, что большинству человеческих женщин страшно в первый раз. Это нормально.

Справедливое замечание, их женщины обычно любят секс не меньше мужчин. Ничего не отвечаю, не знаю, что сказать. Арш Парваль наклоняет голову и чуть прикасается к губам легким поцелуем. Это терпимо, гораздо лучше, чем его руки, сжимающие грудь. Собираю всю свою волю, выдыхаю и стараюсь расслабиться. Он будто чувствует мой настрой, снова опускает руку к животу и ниже.

– Разведи ноги, – командует, убирая с меня свою.

Послушно выполняю, позволяю гладить себя там, где никто никогда не трогал.

– Как же долго я этого ждал, – выдыхает мне в волосы.

Закатываю глаза, благо под веками не видно. И правда, как же долго – целый месяц. Мужчина проникает в меня пальцем, я вскрикиваю, становится не до ехидных мыслей. Не больно, но ужасно некомфортно, неправильно, непривычно. Стискиваю зубы, стараясь, не шипеть, дергаю бедрами в попытке высвободиться. Кэрридан лишь усиливает и ускоряет свои действия, я же окончательно теряю связь с реальностью и начинаю отбиваться руками. Мужчина моментально пресекает мои действия, собрав обе мои ладони в одну свою и зафиксировав их так над моей головой.

– Что-то с прелюдией у нас не очень получается, Дэвина, – задумчиво тянет мое имя. – Эмма дала тебе настой?

– Да, – выдавливаю из себя, замерев и со страхом ожидая, что дальше.

Кэрридан так и не покидает мое тело, и я уже почти привыкла к этому ощущению, поэтому мысленно ругаю себя за опрометчивые действия.

– Все выпила? – продолжает выпытывать.

– Да, – готова расплакаться; поскорее бы все это закончилось.

Мужчина отпускает мои руки, велев держать их там же. А сам, приподнявшись на локте, оказывается сверху. Разумеется, для этого ему надо оставить в покое мое лоно, и я выдыхаю, поняв, что мне лишь показалось, что я к чему-то там привыкла. Оказавшись между моих разведенных ног, Кэрридан встает на колени и наслаждается моими смущенно-ошалевшими взглядами, которые я бросаю на него. Он потрясающе красив! Его плоть пугает, но уже скорее неотвратимостью. Это все же случится, трепыхаться бесполезно.

– Будь умницей, не хочу поранить тебя, – говорит вполне серьезно.

Я киваю, еле сдерживая слезы, закрываю глаза и отворачиваю голову. Арш Параваль проводит влажной рукой между моих ног, опускается на меня всем телом. В следующее мгновению чувствую мощный толчок, который заставляет зажмуриться до звездочек перед глазами. Кричу, вцепившись пальцами в простыни над головой.

– Тихо, Дэвина, – шепчет в ухо, прижимая к кровати своим весом, не позволяя дергаться и причинять себе боль. – Почти все.

Так мы лежим какое-то время, я реву, отвернувшись, а Кэрридан гладит мои плечи, удерживая себя на локтях. И как только боль становится едва терпимой, он начинает двигаться. Знаю, что нам нужно это закончить, ведь иначе мой статус останется неясным, и это может навредить мне же в первую очередь. А уж во вторую – репутации и мужской гордости моего хозяина. Терплю, беззвучно рыдая, и молясь всем богам, чтобы он поскорее закончил. Наконец, это происходит, толчки усиливаются до белой пелены перед глазами, и спустя мгновение мужчина рвано стонет, замирает и опускается на меня. Какое-то время он восстанавливает дыхание, чувствую, как бешено бьется его сердце совсем рядом с моим. Вскоре арш Параваль встает, мне снова сначала больно, а потом хорошо от того, что мое тело опять только мое.

Понимаю, что мужчина пристально смотрит на меня, сидя в ногах. Поворачиваю голову – на его лице нет улыбки или выражения торжества. Кажется, он немного расстроен и растерян. Могу его понять, наверняка не этого ждал. Кэрридан молча вытирает мои мокрые от слез щеки.

– Женщиной ты будешь еще красивее, Дэвина.

Затем проводит пальцем по внутренней стороне моего бедра и сразу облизывает его. Прикрывает глаза от наслаждения, а меня начинает мутить от страха. Хоть он и сыт, но пробовать первую кровь – не лучшая его идея. Для меня уж точно. С другой стороны, мне настолько паршиво сейчас, что, наверное, я бы не возражала окончить свою короткую жизнь немедленно. Чтобы не было больше ни страха, ни стыда, ни боли. Снова начинаю плакать. Мужчина с усилием открывает глаза, смотрит долгим непонятным взглядом и уходит. Сначала в ванную, а потом совсем. Остаюсь одна в комнате, поворачиваюсь на бок, прижимаю колени к груди и тихо рыдаю в простыни.

Долго плакать мне не дают. Дверь щелкает, открываясь, и в комнату быстро и деловито входит Эмма. Я испуганно вскакиваю, тут же начиная шипеть от боли. Женщина бегло осматривает меня всю.

– Чего разлеглась? Отдыхать у себя будешь, тут еще прибрать надо.

С этими словами она берет меня за руку, безвольной куклой стаскивает с постели и тащит в сторону абсолютно обычной на вид стены. Я упираюсь, потому что сквозь стены ходить не умею, но Эмма нажимает на одной ей известное место, и деревянная панель с едва слышным звуком сдвигается, открывая вход в смежную комнату.

4

Дэвина

Также, не особо церемонясь, женщина заводит меня во вторую спальню, возвращает панель на место одним движением. Дальше я уже не упираюсь, и она отпускает меня.

– Твоя спальня. Хозяин заходит к тебе, когда пожелает, ты к нему без приглашения – никогда. Попасть сюда из коридора могут только одобренные лично им люди, даже прислуга. Иногда время визитов будут с тобой согласовывать, но если кто-то придет без приглашения – подчинись.

Пока она говорит, мы заходим в ванную. В отличие от комнаты самого Кэрридана, эти покои просто роскошны. Не в каждом глянцевом журнале увидишь такое. Эмма включает воду и запихивает меня под душ. Накатывает внезапное чувство облегчения, я сажусь в душевой прямо на пол и снова рыдаю. Женщина дает мне пару минут, раскладывая что-то на полках и в шкафах. Потом разворачивается, неодобрительно качает головой, глядя на меня.

– Дэвина, если ты не упокоишься, мне придется позвать врача, чтобы он осмотрел тебя.

– Не надо, – моментально пугаюсь я.

– Тогда хватит рыдать, мойся. Я осмотрю тебя и постараюсь помочь.

Сразу же начинаю выполнять, хватит с меня мужчин на сегодня. А у гемозависимых женщин в медицине просто нет. Пока смываю с себя пот, слезы и кровь, желание плакать и само как-то улетучивается. Я смогла пройти через это и выжила, несмотря на свое не лучшее поведение. Теперь надо оставить эту ночь позади и жить дальше. Тем более многие же занимаются сексом регулярно, кому-то даже нравится. Может и мне повезет со временем. Мои размышления прерывает Эмма, встречая с полотенцем на выходе из душа. Она осторожно вытирает меня, внимательно осматривая. Я не очень понимаю, что она делает, пока та не спрашивает напрямую, не кусал ли меня хозяин.

– Нет, – о том, что все же пробовал, говорить не хочу.

– Я принесу книги. О том, что нравится мужчинам. Кстати, тут разницы нет – гемозависимые или люди, все хотят одного. Внимательно прочитай. Чем быстрее научишься, тем тебе легче будет.

– В этих книгах написано, как сделать, чтобы не было больно?

– Это может сделать для тебя мужчина, но ты должна желать его, чтобы все получилось. Ложись, – указала она мне на бортик ванны, сделанной прямо в полу и по размеру больше похожей на мини-бассейн.

Легла, не совсем понимая, зачем и поэтому с опаской.

– Ноги расставь, мне нужно посмотреть, все ли с тобой в порядке.

Сделала, как она просит. Эмма действительно посмотрела, трогать не стала. Но я отметила, что даже это было мне неприятно, хотя она женщина, как и я.

– Думаю, все будет в порядке. Никаких видимых повреждений нет. А внутри все само заживет через несколько дней. Попрошу Шастадана, чтобы он сыну велел не трогать тебя пока.

Не смогла скрыть радости от услышанного, но удивление от того, что Эмма вот так запросто называет главу города по имени, было сильнее. Но спрашивать не рискнула. Женщина выдала мне белье и ночнушку, велела выпить успокоительное и ложиться спать. Перед уходом, она присела на мою кровать.

– Дэвина, запомни, наложница – это не только постельное развлечение. Ты принадлежишь семье в общем, и Кэрридану в частности. Ты – часть репутации, показатель могущества и власти. Завтра утром начнутся твои иные обязанности. И если тебе не хватит ума, проницательности и гибкости, то интриги высшего лондонского общества погубят тебя намного быстрее, чем большой член хозяина.

Что я могла сказать на это? Понятия не имела, о чем она. Эмма поняла это, покачала головой и ушла. Попыталась быстро уснуть, но страх, что Кэрридан может вернуться, долго не давал сомкнуть глаз. Но, в конце концов, усталость все же взяла свое.

Кэрридан арш Параваль

Ушел почти сразу же, не мог больше смотреть на слезы в этих глазах цвета расплавленной на солнце карамели. Оказывается, быть козлом легко только с теми, чьи лицо и имя сами собой забываются сразу после финала. И правильно – бежать надо было еще раньше, пока не попробовал ее вкус. И не вспомню, сколько женщин у меня было, но далеко не всех хотелось попробовать. От Дэвины не оторвался бы, если бы допустил это. Месяц ходил вокруг да около, и так и не смог понять, чем так манит. Красивая? Бесспорно! Но это не та привычная красота всевозможных шоу-див. С другой стороны, и не тихая забитая мышь. Как вспомню ту пощечину, щека зудеть начинает. И сегодня пыталась сопротивляться, хотя уверен, ей сто раз сказали, чтоб не делала этого. Так что с ней не так? Или, может, со мной?

Вернулся вниз. Гости разошлись. Отец все еще здесь, просматривает какие-то документы. Беру из пепельницы его сигарету. Слишком много вербены сегодня, ну и ладно, день рождения все-таки.

– Оставляешь себе? – спросил, даже не повернув головы, и я рад этому – не хочу, чтобы видел мое лицо.

– Да.

– И как она? Понравилась?

– Да.

Обсуждать это нет никакого желания даже с отцом, ведь как один из членов семьи он также может претендовать на нее в случае моего отказа. Мать опять, конечно, взбесится, если так выйдет. Не хочу быть причиной их скандалов.

– Дай Дэвине передохнуть хотя бы пару дней. Эмма сказала, что это необходимо, – молча киваю. – Кстати, я обещал ей подарок, если будет милой.

– Дари.

– А перстень?

– Тоже.

Какое-то время сидим молча, я курю, отец работает.

– Какие чувства ты испытывал, получив Эмму?

Отец поднимает голову от бумаг и смотрит неверяще. Я действительно перешел границу дозволенного, но мне важно это сейчас.

– Не радость, уж поверь мне, – все же отвечает он и сразу отворачивается, давая понять, что разговор окончен.

Докуриваю и возвращаюсь к себе. Здесь все убрали, нет ни одного видимого следа случившегося. Но запах крови девственницы никуда не делся. Девственницы, которую я месяц хотел до боли в яйцах и по какой-то нелепой случайности так и не трахнул в собственной машине.

Как можно тише отодвигаю панель, нужно попросить, чтобы поставили нормальные двери. Дэвина спит, свернувшись калачиком. Полная луна светит во

все четыре огромных окна, занавешенных лишь прозрачной газовой материей. Блики играют на ее темных кудрях, легко касаюсь их пальцами – еще мокрые после душа. Присаживаюсь на корточки рядом с кроватью, на лице видны дорожки от слез. Недавно уснула. Теперь она – моя ответственность, и я буду виновен во всем, что с ней произойдет дальше. А в том, что нас обоих не ждет ничего хорошего, я уверен.

Понял это, едва увидел ее. Когда получил по морде, это легкое чувство беспокойства превратилось в ощутимо зудящую между лопаток проблему. Последующие потеря контроля и ощущения реальности и вовсе не оставили места сомнениям. До этого дня я творил просто сумасшедшую хрень и настолько задолбал собственного отца, что он решился воскресить давно забытый ритуал. Не удивительно, но мне не было стыдно, и я даже не был уверен, что это поможет. Вообще или надолго. Признаю, отказы Дэвины неизменно доводили меня до бешенства, которое надо было сливать где-то еще. Ведь я никогда не хотел и сейчас не хочу, чтобы она пострадала от моей руки. Но как скоро девчонка мне наскучит? Учитывая непростое начало сегодня, вероятно, очень скоро. Не очень люблю застенчивых недотрог. Хотя мысль о том, что придется передать ее кому-то другому, буквально сводит с ума. Не может у нее быть никого другого!

Телефон в кармане требовательно завибрировал. Поспешно вытащил его, вставая. Черт, Карла! Единственная женщина, которой я позволяю клевать мне мозг. Но она с лихвой компенсирует это в постели, вытворяя такое, чего я не испытывал ни с кем больше. Поэтому закрываю глаза, выслушиваю, отдариваюсь дорогими подарками. Вот и сейчас вместо того, чтобы сбросить эту истеричку, поспешно иду к себе и возвращаю панель на место.

– Да, Карла, – стараюсь выдержать нейтральный тон, чтобы сразу же погасить ее напор.

– Кэрр?! Наложница?! Ты это серьезно? Или это розыгрыш на день рождения? Что за средневековье? – возбужденно проворковала она в трубку.

Всегда с ума схожу от ее грудного голоса, сразу представляя, как двигаются в этот момент ее пухлые, аккуратно подкрашенные губы.

– Да, Карла, – не могу удержаться от улыбки; от нее это звучит действительно слишком. – Это серьезно и это очень средневеково, не могу с тобой не согласиться.

– Надеюсь, ты уже отослал девчонку? Ночь на дворе, а я тебя еще не поздравила.

Намек понятен, но быть со мной в день рождения – это привилегия семьи, куда она не входит, несмотря на все свои таланты.

– Нет, не отослал. И не планирую. И это не твое дело, Карла.

Стоит напомнить ей ее место сейчас. Знаю, мне недешево это обойдется, но она всего лишь игрушка, пусть и очень дорогая. Любовница моментально понимает, насколько я не в настроении, меняет тон, продолжая попытки завлечь меня к себе до наступления утра. Слушаю ее довольно откровенную болтовню и вдруг понимаю, что неинтересно. Видимо, хватит на сегодня – и вербены, и крови, и секса. Пусть это и была самая странная близость в моей жизни, но, кажется, я полностью удовлетворен. Это довольно новое для меня чувство, наверное, поэтому я буквально замираю посреди комнаты с телефоном у уха, не понимая, впрочем, уже ни слова. Затем быстро и не слишком вежливо прощаюсь и нажимаю отбой.

Снимаю одежду, расправляю постель и заваливаюсь на простыни. Пытаюсь вспомнить манящие изгибы Карлы… Медитирую на эту тему несколько минут… И ничего. Это я так устал за последнее время или это какой-то побочный эффект древнего ритуала? Мне и смешно, и страшно одновременно. Озабоченный Кэрридан арш Параваль больше не хочет свою потрясающую любовницу. Наверное, все же слишком вымотался. Завтра же съезжу к Карле, только прихвачу что-нибудь из сейфа. Уже засыпая, подумал, что и Дэвине неплохо было бы семейный перстень лично преподнести.

5

Дэвина

Утром, едва открыв глаза, попыталась сесть. Неприятные ощущения еще остались, но боли не было, что меня очень порадовало. Почему-то думала, что не отделаюсь так легко. На туалетном столике рядом с кроватью заметила две красиво упакованные коробочки. Одна совсем небольшая, а вторая квадратная и плоская. Поборола любопытство, снова идти в душ в сопровождении Эммы совсем не хотелось, поэтому поспешила туда в первую очередь.

В ванной не столько времени потратила на гигиенические процедуры, сколько на разглядывание всевозможных баночек, пузырьков, коробочек, бутылочек. Косметики в таком количестве я не видела никогда. Такое чувство, что я не одна здесь буду жить, а в компании еще пяти девушек, как минимум. Хотя Кэрридан арш Параваль и гарем в соседней от его спальни комнате – не такие уже несовместимые вещи, если верить слухам. Интересно, и почему же он вчера не продемонстрировал мне свои умения, от которых женщины сходят с ума? Не достойна? Обойдусь? Так сойдет?

Продолжая думать об этом, медленно начинаю злиться. Да, мое физическое здоровье вроде бы в порядке, но вот внутренне я содрогаюсь от одной мысли о том, что это снова повторится. Выхожу из ванной и снова натыкаюсь взглядом на подарки. Сажусь на кровать и медленно развязываю ленты. Как и любая воспитанница пансионата, я никогда не получала личных подарков. На Рождество и день рождения все девочки одаривались абсолютно одинаковыми вещами. Чаще всего это была одежда, обувь или сладости. А красивая упаковка считалась ненужным расточительством и никогда не использовалась. Поэтому я с наслаждением освобождаю коробочки от лент и оберточной бумаги, любуясь яркими цветами и шелковистыми текстурами упаковки.

Первой открываю большую коробку. В ней оказывается ювелирный гарнитур – короткое колье, серьги и браслет. Прозрачные фиолетовые камни и белый металл. Я совсем в этом не разбираюсь, но судя по цвету вставок, украшения из личной сокровищницы семьи. Смотрю какое-то время на них, и даже понять не могу – нравится ли мне или нет? Никогда не носила ничего подобного, не знаю, как правильно надевать, а главное, с чем и где это будет уместно смотреться. Но мне обещали дорогой подарок, видимо, это он.

Откладываю первую коробочку и беру вторую. Она меньше, в ней явно только один предмет. Мои догадки оказываются верными – внутри небольшой легкий перстень. Камней нет, только эмблема арш Паравалей. После подписания всех документов глава города вручил мне три огромные книги с законами и

правилами для членов семьи и их собственности. Из них мне известно, что владение перстнем – это высший уровень для наложницы. Кольцо защищает и демонстрирует статус не зависимо от того, рядом твой хозяин и/или его люди или нет. В денежном эквиваленте перстень наверняка стоит не так уж дорого, но на самом деле он бесценен. Не думала, что вообще получу его когда-нибудь, но вот держу в руках и боюсь надеть. Для меня это будет знаком смирения, принятия своего статуса, согласия с правилами игры. Хотя если хозяин потребует носить кольцо, придется подчиниться.

За разглядыванием украшений меня застала Эмма.

– Доброе утро, Дэвина.

Женщина собрана и настроена явно по-деловому. Правда, увидев у меня в ладони перстень, она осеклась и как-то растерялась. Потом подошла и взяла вещицу из моих рук, осмотрела с какой-то непонятной мне нежностью и почтительностью.

– В доме его носить не обязательно. Здесь и так все в курсе о твоем положении. Никто не посмеет обидеть. А вот выходя с территории особняка, обязательно бери его с собой.

Она вернула кольцо с грустной улыбкой. Потом заглянула во вторую коробочку.

– Хорошо, что открыла. Сейчас придут швеи, посмотрят. Так им проще будет подобрать цвет ткани для платья.

– Какого платья? – сразу насторожилась я.

– Через три дня губернатор дает бал в своем загородном имении. Разумеется, Кэрридан приглашен. И он сказал, что ты идешь с ним.

Видимо, это и есть мои обязанности вне постели хозяина. Заниматься этим не хотелось ровно так же, как и сексом. Надеюсь, хотя бы будет не больно.

– Эмма, я никогда не была на подобных мероприятиях. Не хотелось бы опозорить… – задумалась, как мне вообще называть своего первого мужчину. –

Никого не хотелось бы опозорить.

– Тебя будут учить. Постоянно. И эти пару дней тоже. Но основная твоя задача делать то, что Кэрридан скажет. И без приказа от него ни на шаг!

Молча кивнула. Жить в роскоши оказалось не так уж просто. Буквально через десять минут я окончательно убедилась в правильности своих выводов. Едва успела впихнуть в себя завтрак, как в комнате появились три чрезвычайно шумные особы. За ними слуги занесли несколько сундуков, мешков, каких-то свертков. Пока я пыталась понять, что происходит, Эмма обменялась с ними приветствиями и поцелуями. Казалось, что они все чуть ли не лучшие подружки. А потом указала на меня.

– Знакомьтесь, Дэвина. Наложница Кэрридана арш Параваля. Нужен полный гардероб и прочие рекомендации. Его вкусы вам известны. Из срочного – бал у губернатора.

Произнесено все было очень скучающим тоном, будто бы мой хозяин наложниц каждую неделю меняет. Женщины в это время разглядывали меня пристальными, цепкими взглядами. Какой-то теплоты или хотя бы просто человеческого интереса я не заметила. На их лицах скорее отразилось недоумение. Понимаю их – я тоже понятия не имею, что он во мне нашел.

– Я – мадам Риса, – представилась старшая из них. – А это мои помощницы – Дэна и Кэйт.

Девушки кивнули, и я ответила тем же. Мило улыбнулась всем троим. Встать из-за столика, за которым все еще продолжала пить кофе, я не пожелала, чем вызвала у Эммы одобрительную улыбку.

Гостьи приступили к распаковыванию принесенного. Эмма показала им подаренный арш Паравалем-старшим гарнитур. Дамы вздыхали и охали, восхищаясь украшениями. Потом меня все-таки подняли с мягкого, уютного диванчика, и стали измерять, прикладывать ко мне отрезы различных тканей, обсуждать особенности фигуры, кожи, волос и глаз. И все это так, будто меня здесь нет. Мне не очень нравилось такое отношение, но я молчала. Мне никогда раньше не шили одежду на заказ, и как бы сироты девочками ни мечтали о подобном, занятие это оказалось скучным и выматывающим.

К тому же швеи оказались очень болтливыми. Они выдавали сплетни со скоростью десять штук в минуту. Разумеется, ничего об арш Паравалях. Кого-то из упоминаемых я знала по новостям или светской хронике, но это была всего парочка персон из бесконечного потока. Я невыносимо скучала ровно до тех пор, пока Эмма не подошла и не прошептала кое-что мне на ухо довольно грозным тоном:

– Слушай внимательно и постарайся запомнить! Однажды что-то из услышанного может не только помочь лично тебе, но и сделать чрезвычайно полезной для семьи.

Посмотрела на происходящее под этим углом и, наконец, поняла, почему Эмма так расшаркивается с этими болтушками. Это ведь неисчерпаемый источник информации. И она права, я могу стать интересной не только для утех.

Спустя четыре часа дамы удалились рассерженные и утомленные. И все из-за меня. Потому что я наплевала на вкусы арш Параваля и настояла на одежде, которая понравилась мне. Уверена, что имела на это право, ведь речь шла о ночнушках, пижамах, белье, халатах, чулках и прочем, что, в общем-то, касается только меня. Швеи во главе с Эммой хватались за голову, спорили до хрипоты, но в итоге отступили. Не понимаю, зачем мне полупрозрачные завлекательные вещицы, если я надеюсь не слишком часто видеть хозяина в своей спальне. Кроме того, я игнорировала все вздохи на тему дороговизны выбранных нарядов. Кэрридан арш Параваль уж точно не обеднеет. К тому же он известный дамской угодник, о его дорогих подарках женщинам часто судачат. Неужели на мне станет экономить?

Когда гостьи ушли, Эмма не стала журить меня за устроенное. Но все же прокомментировала:

– Будь готова рассчитаться с хозяином и за дорогие наряды, и за собственное мнение при их выборе. Если цена тебя устроит, то можешь продолжать и дальше в том же духе.

Лишь пожала плечами в ответ. Не считала наш обмен с арш Паравалем равноценным. Мои жизнь и свобода не могут быть оплачены никакими подарками.

Эмма ушла, предупредив, что обед мне подадут сюда. В общую столовую я смогу выходить не раньше, чем мне будет позволено. Спокойно перемерила все выбранное, остановилась на длинном темно-синем шелковом халате. Длинный рукав с кружевной каймой, красивые переливы ткани, затейливые пуговицы на груди. Перевязала волосы лентой в тон и осталась довольна своим отражением. Мне оставалось только наслаждаться маленькими женскими радостями, ведь если начну думать обо всем этом, просто сойду с ума. Верила Эмме, что хозяин даст мне прийти в себя. Но через сколько бы дней он снова не захотел повторить, легче не будет. Не сейчас.

Меня накормили обедом, а после Эмма принесла обещанные книги.

– Посмотри, если будут вопросы, спросишь. И хватит краснеть, обстоятельства так сложились, что тебе нужно очень быстро повзрослеть.

– Я взрослая, – немного возмутилась.

– Взрослый – это тот, кто осознает последствия своих поступков и готов нести ответственность за них. Мне рассказали о твоем знакомстве с Кэрриданом. По-моему, не очень по-взрослому.

В голову не приходило ничего, кроме «а он», «сам виноват», «я ни при чем», и я поняла, как же она права. Если арш Параваль прибьет меня в припадке ярости, в этом буду виновата только я.

– Я прочитаю их все. И буду задавать вопросы. Спасибо, Эмма.

Гемозависимая, наконец, улыбнулась и ушла. А я действительно взялась за книги. В них не было ничего общего с любовными романами, которые мы с девочками зачитывали до дыр на чердаке пансионата. Гораздо больше было похоже на учебники. Вот только не краснеть никак не получалось. Я с ужасом вспоминала вчерашнюю ночь, а если хозяин решит попробовать что-то из середины книжек, то, кажется, сгорю со стыда, едва оказавшись в такой позе.

Удивительно, но я так увлеклась, что очнулась только от стука двери в соседней комнате. Испугавшись, что арш Параваль застанет меня с этими книгами, быстро спрятала их под диван, а сама вернулась на место, схватив зачем-то подушку.

6

Кэрридан арш Параваль

Отодвинув панель, обнаружил девчонку сидящей на диване в обнимку с подушкой и напряженно глядящей в сторону моей комнаты. Увидев меня, она нерешительно улыбнулась и прижала подушку к себе еще сильнее.

– Добрый вечер, Дэвина. Ты ужинала?

Оглядываю ее всю – бледная, напряженная, настороженная. Не привык, чтобы меня женщины так встречали.

– Нет, – почти прошептала в ответ.

– Тогда попрошу, чтобы накрыли здесь. Поужинаешь со мной?

Только кивнула, глядя на меня во все глаза. Понимаю ее недоумение – я не из тех, кто проводит вечера дома. Решил же вчера, что навещу Карлу, но после последней деловой встречи ноги сами понесли сюда.

– Ты чудесно выглядишь, – пытаюсь как-то разрядить обстановку.

– Спасибо. Швеи приходили. Помогли выбрать кое-что.

Говоря это, Дэвина отвела глаза. Сначала не понял в чем дело, а потом пригляделся – на ней темно-синее платье. Я люблю все оттенки красного, и особенно на женщинах. Это общеизвестный факт. Значит, посоветовать этот наряд не могли. Моя девочка проявила характер? Не такая уж новость. Зачем? Ждет моей реакции? Не хочет выглядеть привлекательно для меня? Просто упрямая и не любит красный?

– Красиво. Мне нравится, – говорю это абсолютно искренне, этот цвет ей очень идет.

Дэвина в ответ смущается и опускает глаза. Забавная. Чувствую, как желание начинает просыпаться. Картинки в голове сменяют друг друга – медленно расстегиваю пуговицы на лифе, задираю подол, ведя ладонями по длинным стройным ногам, распускаю волосы. Так, хватит! Эмма наверняка сказала, что я не побеспокою ее хотя бы пару дней. Ей и так нелегко далась вчерашняя ночь. При одном воспоминании меня обдает жаром, тут же начинаю сожалеть, что не заглянул к любовнице. Чтобы хоть как-то отвлечься спрашиваю первое, что приходит в голову:

– Ты получила перстень?

– Да, – все также прячет взгляд. – Эмма сказала, что я могу не надевать его в доме.

– Можешь, но это не запрещено. А про бал у губернатора Эмма сказала?

– Да, – снова впивается пальцами в подушку. – Платье заказали сегодня. Мадам Риса пообещала, что будет готово в срок.

– И какое оно будет? – усмехаюсь, уж вопрос про нарядное платье должен ее разговорить. – Расскажешь?

– Малиновое, – увидев, что я не очень понял, добавила. – Такой красивый светло-розовый цвет.

– Вот ты о чем, – рассмеялся. – Не сразу сообразил. Уверен, ты будешь в нем потрясающе выглядеть.

Дэвина от смущения прямо заерзала по дивану. Обычно женщины меня пичкают показными эмоциями. А сейчас даже и не знаю, нравятся мне ее реакции или нет. Как правило, чувства и мысли противоположного пола меня не беспокоят совсем.

Ужин, наконец, принесли. И обычную еду, и бокал с кровью для меня. Пусть привыкает видеть меня настоящего. Она должна очень быстро понять, что спит не с человеком. Это значительно упростит жизни нам обоим. На свою тарелку кое-что все же положил для вида. Дэвине налил вина, и она сразу

насторожилась. Видимо, почитала, что в этом есть умысел, но спорить и противиться не стала. Умница, разобралась, кому не стоит показывать свой характер. По крайней мере, по мелочам. Когда же увидела, что мой бокал уже полон, несколько секунд не могла отвести от него взгляд. Не думал, что это вообще заденет ее, ведь в «Кровь и сухари» большое меню для гемозависимых.

– Это вкусно? – спустя пару секунд шокировала меня вопросом.

– А у тебя? – кивнул на ее тарелку.

– Не знаю, – пожала плечами. – Я пока не поняла.

– Вот и я также. Просто еда, я не думаю об этом постоянно. Хочешь попробовать?

– Это запрещено, – сухо ответила и принялась за свой салат, всем видом показывая, как сильно ее устраивает собственная еда.

Дэвина

Как он мог предложить подобное? Конечно, многие люди пробовали кровь себе подобных. Но вообще это строжайше запрещено на законодательном уровне. Конечно, речь идет не о случаях, когда гемозависимые сами угощают приближенных к ним людей. Такие мелочи никого не интересуют. Находились индивиды, стремящиеся подзаработать на желании некоторых людей быть во всем похожими на гемозависимых. Как правило, в это втягивали молодежь. Вечеринки, переходящие в оргии, а то и в кровавые бойни, когда один или несколько участников слетали с катушек под действием алкоголя или наркоты и принимались крушить все вокруг, подражая хозяевам жизни. В конце концов, приняли закон о том, что каждый вид должен питаться в соответствии со своими физиологическими потребностями. Разумеется, для гемозависимых эта норма никаких ограничений не содержит. Случаев нападения на людей вследствие поедания кабачка не было замечено, но этим в очередной раз подчеркнули разницу между нашими видами. Ведь гемозависимым сходило с рук очень многое и в основном это касалось как раз способов добычи пропитания. Донорская кровь из холодильников устраивала не всех.

Я на самом деле никогда не пробовала кровь. И не хотела. Не вижу ничего интересного в том, чтобы быть похожей на своего хозяина. Мы разные, и в этом нет ничего плохого или хорошего. Просто это так.

Мы едим. Мне довольно сложно сосредоточиться в его присутствии. Смотрит так, будто и меня хочет съесть. Удивлена, что так рано приехал домой. Судя по сплетням, обычно под утро возвращается. Зачем он здесь? Вряд ли решил просто посмотреть на меня. С другой стороны, в городе масса женщин, готовых удовлетворить любые его желания. Каким же нужно быть извращенцем, чтобы хотеть повторения вчерашнего? Надеюсь, он все же даст мне прийти в себя. И хотя уже вроде ничего не болит, уверена само по себе все будет также плохо, как и вчера. Но вынуждена признать, несколько часов, проведенных с соответствующей литературой, вызвали у меня некоторый интерес к теме. В основном из-за описаний приятных впечатлений, как следствия этого нелепого процесса. Неужели арш Параваль способен заставить мое тело чувствовать нечто подобное? Думаю, ему это совсем не интересно. Я здесь для его удовольствия, а не наоборот.

Ловлю на себе задумчивые взгляды, никак не реагирую, хотя меня и пробирает до костей. Мужчина пугает до одури, но я стараюсь ничем этого не выдать. Если не смогу сейчас просто поужинать с ним в своей комнате, что же будет на балу?

– Если хочешь что-то спросить, у меня есть время.

Смотрю и не могу поверить в услышанное. Он что? Еще и после ужина собрался остаться? Неожиданно, но у Кэрридана арш Параваля нашлось время отвечать на мои вопросы. Стоит этим воспользоваться. Собираюсь с мыслями, чтобы не сожалеть потом об упущенной возможности.

– Есть кое-что… Я не совсем понимаю, как мне следует вас называть. Когда мы наедине, при других, просто в беседе с третьими лицами. Хозяин?

Посмотрела на него пристально, в надежде, что на последнее ответит все же «нет».

– А тебе хотелось бы этого? Называть меня хозяином?

– Буду называть, как скажете. Какое значение имеют мои желания?

– Тогда называй по имени. При необходимости добавляй фамилию. Думаю, этого будет вполне достаточно.

На такое я не рассчитывала, поэтому слегка растерялась. Мы провели всего одну ночь вместе – у меня семейный перстень и разрешение на такое обращение. Что дальше? Подарит мне котенка? Все же слегка киваю, чтобы дать понять, что приняла к сведению. Арш Параваль смотрит пристально, будто ждет еще какой-то реакции. Видимо, так и не получает желаемого, потому что на его красивом лице мелькает разочарование. Он встает и идет в мою сторону. Прежде чем успеваю понять, что делаю, вскакиваю с дивана и оказываюсь с другой его стороны.

– Вот как… – арш Параваль дышит, словно рассерженный дикий кот.

Проклинаю себя за импульсивность и глупость. Не собралась же я в самом деле убежать от него.

– Подойди, – отдает приказ тихо, но четко.

Моментально повинуюсь, не хочу злить его еще больше. Огибаю диван и застываю перед ним испуганной, пристыженной статуей.

– Посмотри на меня.

Поднимаю лицо и вижу гневные молнии, которые мечутся в поалевших глазах. Наверное, стоит что-то сказать, но я не знаю, как стоит извиняться за такое. Все же открываю рот, и в этот момент он наклоняется и целует меня. Замираю в растерянности – вчера он не целовал. Одно мимолетное, легкое прикосновение не в счет. Сейчас же это полноценная ласка, к которой я не понимаю, как относиться. Не очень страшно само по себе, но последствия вполне предсказуемы. Он сам прерывает поцелуй и испытывающе заглядывает в глаза. Медленно моргаю, не в силах понять свои чувства.

– У тебя два дня и не более, – сухо бросает и уходит к себе.

Деревянная панель, разделяющая наши комнаты, с тихим шорохом возвращается на место. А я так и не могу понять, что только что произошло.

Пожалел меня вопреки собственным желаниям? Решил сдержать слово, данное даже не мне? Понятия не имею, но, похоже, сегодня могу спать спокойно.

Могу, вот только мне не спится. Я то начинаю переживать, что арш Параваль вернется, то вспоминаю относительно спокойные дни в пансионате, а то и вовсе принимаюсь дрожать по поводу предстоящего бала. Надо было попросить Эмму и по этикету книги принести, если уж меня собираются из спальни выпускать. Кое-как все же засыпаю ближе к середине ночи, а на следующее утро с большим трудом открываю глаза на бодрый голос Эммы.

– Доброе утро, Дэвина. Вставай. Сразу после завтрака придут учителя, которые подготовят тебя к балу.

Уничтожить репутацию арш Паравалей мне не хочется, поэтому со всем энтузиазмом приступаю к изучению всевозможных тонкостей поведения на подобных мероприятиях. И удивляюсь, когда выясняется, что большую часть знаний я уже получила в пансионате. Основные правила этикета, правила поведения за столом, базовые танцевальные движения и многое другое, что является обязательным для девочки при выпуске из специализированного учебного заведения.

Мы занимаемся до обеда, потом вместе едим в большой столовой. Затем переходим в спортзал, где установлены зеркала и балетный станок. Ближе к ужину я уже абсолютно обессилена занятиями и мечтаю поскорее оказаться у себя и в одиночестве. Учителя решают, что для первого раза достаточно, хвалят меня и, оставив расписание индивидуальных занятий, прощаются.

Обрадовалась и высокой оценке моей подготовки, и возможности наконец-то передохнуть. Никогда не была отличницей, но, оказывается, вынесла из учебы в пансионате не так уж мало. Совсем от опасений по поводу предстоящего бала меня это не освободило, но слегка успокоило. Завтра еще весь день заниматься. Все-таки надежда есть, что смогу хотя бы остаться незаметной среди известнейших гемозависимых всей страны.

Кэрридан арш Параваль

Решил не повторять вчерашних ошибок, и намеренно освободившись пораньше, отправился к Карле. Не могу сказать, что так уж невыносимо хотел ее видеть, да и подарка с собой у меня не было… Но мне нужно где-то спустить пар. Уже в двух кварталах от ее дома купил огромный букет цветов. Розы, ярко-красные. Большинство женщин, даже самые отъявленные суки, ужасно романтичны. Уверен, Карла сочтет цветы гораздо лучшим подношением, чем очередная побрякушка. Придумает себе что-нибудь в духе – он, кажется, влюбился и стал романтиком и все ради меня. Смешно, конечно, какой из меня романтик? Просто хочу быстрого, дикого секса, а не сцен.

Топая к любовнице, постоянно вспоминаю вчерашний ужин с Дэвиной. И то, как она отпрыгнула, стоило мне подняться с дивана. Боится. Не она первая. Многие человеческие женщины боятся меня, даже те, кто сам буквально лезет в мои штаны. Инстинктивно, где-то глубоко внутри, каждая из них знает, что интрижка со мной может оказаться последней в ее жизни. Раньше это забавляло. Играл с ними, пугал, намеренно брал больше крови, чем следовало, причинял боль. Сейчас же чувствую, как меня раздражает это от той, чья задача всего лишь послушно раздвигать ноги, когда я пожелаю.

Дверь открыли не сразу. Но сегодня я не был настроен на компромиссы.

– Карла! Открой эту чертову дверь! Я хочу тебя видеть!

Мне не нужно добавлять нечто вроде – «я снесу ее с петель» или «ты пожалеешь» – это и так очевидно, она знает. Спустя пару секунд мне все же открыли. Китти, экономка Карлы, испуганно выглянула, не спеша впускать меня.

– Китти, передай этому наглецу арш Паравалю, пусть катится!

Моя любовница и так постоянно изводит свою прислугу, сейчас же Китти и вовсе готова отключиться от ужаса. Но я оценил ее смелость и преданность хозяйке – встать между мной и моими желаниями не любой взрослый мужик решился бы. Здесь же совсем юная особа, которая цветом сравнялась с оттенком молочных обоев на стенах прихожей.

– Я войду, – стараюсь быть дружелюбным, упираюсь ладонью в полотно двери и просто двигаю его вместе с повисшей на ручке экономкой.

Сразу прохожу в будуар Карлы. Чудесная комната в приглушенных бордовых тонах. Обожаю здесь трахаться – темно, тихо, в каждом ящике припрятано что-нибудь этакое для утех. Моя нервная любовница сидит за туалетным столиком спиной к входу. В отражении вижу – она при полном макияже, платиновые волосы мелкими косами-змеями спускаются до поясницы, украшения блестят крупными камнями, а распахнутый халат манит корсетом и чулками. Ну да, она совсем меня не ждала. Карла тоже кое-что увидела в зеркале, а именно дурацкий помпезный букет и мою не менее дурацкую улыбку к нему прилагающуюся. Не удивлюсь, если она сейчас думает, что я свататься пришел. Давно прощупывает почву в этом направлении, отца своего все время к моему посылает. И отцы-то, конечно, не против. Только вот я жениться не собираюсь. И даже если когда-то соберусь, то точно не на ней.

Сейчас же продолжаю обворожительно улыбаться, сжимая эти чертовы стебли. Карле требуется какое-то время, чтобы собраться с мыслями и правильно разыграть мое нестандартное появление. В конце концов, она решает воспользоваться тем же приемом, что и всегда – то есть сбить меня с ног своей сексуальностью сразу на пороге. Грациозно поднимается с мягкого пуфика, разворачивается и, прожигая похотливыми взглядами, идет ко мне, покачивая обалденными бедрами. Выглядит, как и всегда, что надо. Пышная грудь выпрыгивает из тугого корсета, микротрусики больше дразнят, чем скрывают, полы шелкового халата при каждом шаге лижут ее длинные стройные ноги. Хотя может и не такие уж длинные, ни разу не видел ее без каблуков.

Карла останавливается в полшаге, и я вдыхаю запах сладких до приторности духов. Она вся в этом – сладкая, почти приторная, до одури. У нее все лучшее – шмотки, тусовки, любовники. Да, я не тешу себя фантазиями, что единственный, кого она трахает в этой чудесной комнате. Думаю, боится, что узнаю. Возможно, считает, что это станет очередным скандалом, и кто-то может даже пострадать. На самом деле это не так. Если подобное станет общеизвестно, я просто порву с ней. Разумеется, никаких сцен ревности или мести не предполагается.

– Здравствуй, Кэрридан. Ты, конечно, накосячил, но цветы… Это, пожалуй, слишком.

Воркует, двигая губами так, чтобы вызвать вполне определенные желания. И достигает цели – хочу оттрахать ее рот сейчас же. Но, к сожалению, наши отношения – равноценный обмен. Поэтому, если уж меня приняли, придется и самому постараться.

– Просто подумал, что они могут тебе понравиться. Ничего такого, Карла. Не придумывай.

Любовница наконец-то забирает у меня букет и уходит с ним прочь из комнаты. И отлично. Присаживаюсь на диван. Через минуту, мелко семеня и не глядя в мою сторону, заходит Китти и сервирует небольшой перекус на журнальном столике. В отличие от меня Карла любит человеческую еду и все время пичкает меня чем-нибудь этаким – из деликатесов. Я же предпочитаю есть что-то очень простое, типа хлеба с сыром или овощного салата. Ну и мясо, конечно. С выбором алкоголя дела обстоят намного лучше. Кажется, любовница нагло обчищает подвалы собственного отца, чтобы удивить меня. В этот раз, как и всегда, у нее получается. Этот виски мне очень нравится.

С удовольствием наливаю на два пальца и смакую, мечтая добавить к напитку сигарету с вербеной. Но последнее время всего этого слишком много – и вербены, и алкоголя, и необдуманных резонансных поступков. Мне не стоило так поступать с отцом. Да и Дэвина пострадала, как ни крути. Не думаю, что она планировала провести в моей спальне хотя бы одну ночь в своей жизни. Если бы отец прямо сказал, что собирается сделать, остановил бы его. Девчонка мне надоест и очень скоро, но к обычной жизни вернуться уже не сможет. Если вообще выживет рядом со мной.

Карла возвращается. На губах фальшивая улыбка, халат застегнут. Что опять не так?!

– Кэрр, нам нужно поговорить, – садится рядом, кладет ладонь на мое плечо, а правую ногу закидывает мне на колено.

Ее ноги оказываются скрещеными, и это лучше всяких слов говорит о том, что секс я получу не раньше, чем выслушаю.

– Да, Карла. Я внимательно слушаю тебя, – чуть нервно отхлебываю из стакана; чувствую, она в настроении довести меня до белого каления.

– Не буду в очередной раз говорить, как порой меня обижает твое отношение, – капризно надувает губы. – Но у всего есть предел!

Она замолкает, уставившись на меня. Неудобно ответить ей прямым взглядом, и я знаю, что она намеренно села именно так.

– И о каком именно пределе сейчас речь? – тоскливо кручу стакан в пальцах; не за этим я сюда пришел.

– Об этой девчонке, Кэрр! О наложнице! – любовница, кажется, только и ждала моего разрешения выговориться. – Ты сказал, что это меня не касается, но я все же дочь губернатора, а не одна из твоих девок. Ты понимаешь, как на меня теперь станут смотреть из-за твоей маленькой прихоти?!

– И как? – лениво интересуюсь; ни черта не понимаю, о чем она говорит.

– Я твоя постоянная любовница, и вдруг ты заводишь еще одну! С чего бы?!

– Мне ее подарили, – цежу сквозь зубы.

Карла слишком увлеклась и не обращает внимания на мое настроение, которое стремительно меняется не в лучшую для нее сторону.

– Так отправь ее обратно! Откуда там ее твой отец вытащил? В ресторан, в пансионат! Избавься от нее!

Понимаю, что любовница как-то слишком много знает о моей собственности. Успела засунуть свой любопытный нос.

– Карла, я ведь четко сказал тебе, что она останется, – делаю небольшие паузы, чтобы смысл наверняка дошел до нее.

Она вскакивает и начинает нервно ходить по комнате, заламывая пальцы. Заранее знаю, что именно все это предвещает. Сейчас мне расскажут, какой же я козел. Бешенство медленно нарастает внутри, но все же послушаю. Не впервой.

– Кэрридан, я прощала тебе многое! Все это время! Закрывала глаза на твои постоянные интрижки и далеко не джентельменское поведение. Но такое я просто не могу стерпеть! Как мне смотреть в глаза друзьям, партнерам отца, если ты будешь бегать от меня в постель к человеческой девке?! К девке, которая живет в твоем доме и является частью семьи! Которая присутствовала на твоем дне рождения наверняка!

Карла остановилась и посмотрела на меня пронзительно влажными от подступающих слез глазами. Артистка долбанная! Думает, я не понимаю, куда она ведет.

– Кэрр, подумай! Возможно, есть какой-то способ урегулировать это между нами…

– Да, она присутствовала на моем дне рождения. В качестве подарка. Хотела бы заменить ее?

Нервно отхлебнул из стакана, потому что при воспоминании о хрупкой фигурке Дэвины, о ее покорно опущенной голове, кровь устремилась вовсе не туда, где ей следовало быть при ссоре с любовницей. Карла смотрит на меня не мигая и облизывает губы, и я понял – да, она хотела бы заменить мою наложницу. Ведь это была бы лишь видимость, ее происхождение и статус равны моим, а значит, это был бы всего лишь способ пробраться в дом. Как и то, что она сейчас пытается мне предложить. Крепко задумался. Не могу позволить ей сказать это вслух – получив отказ, она не простит. Такие, как она, подобных унижений не прощают. Враг в ее лице мне уж точно не нужен. Значит, прощаться надо сейчас. Что я теряю? Потрясающую, опытную любовницу, всегда ожидающую меня, с которой, несмотря на мерзкий характер, всегда можно договориться путем подношений или куннилингуса. Что приобретаю? Девчонку, которая даже не знает, как правильно лечь перед мужчиной. И, похоже, не очень-то горит желанием узнать. Но мысль о том, чтобы действительно отослать Дэвину по какой-то неведомой причине вызывает такое резкое отторжение, что я гоню от себя и саму мысль и свою странную реакцию на нее.

– Мне очень жаль, Карла, но я, и правда, не могу заставить тебя терпеть, – поставил стакан на столик, встал и подошел к ней вплотную. – Ты – дочь губернатора, и я не хочу ссориться с тобой или твоим отцом. Если произошедшее действительно недопустимо, то нам лучше прекратить встречаться.

8

Кэрридан арш Параваль

Не хочу продолжать этот разговор, поэтому просто обхожу ее и выхожу из комнаты, а потом и из квартиры. Я зол и неудовлетворен, поэтому нет ничего удивительного, что направляюсь прямиком в кабак. Отличный круглосуточный стриптиз-клуб «Зубастый заяц» и совсем недалеко. Мне и подобным там всегда рады – можно творить что угодно, все замнут. Именно это мне сейчас и нужно.

На моем столике моментально появляются алкоголь и вербена. А ведь я планировал не злоупотреблять. Чертова Карла! Ведь не дура! Почему до сих пор не поняла, что не выйдет у нее затащить меня в брак? И ничто ей в этом не поможет – ни положение ее отца, ни их дружба с моим, ни наш классный секс и уже тем более ни регулярные истерики. Ослабил галстук, снял пиджак – устал сегодня, еще и этот изматывающий голод. Крови не было, с сексом тоже облом.

Наконец, подали основное блюдо – полуголая девица, аккуратно переступая на высоченных каблуках, внесла бокал на серебряном подносе. Поставила передо мной, игриво хлопая ресницами. Аппетитная деваха. Во всех смыслах. Улыбаюсь, пока она устраивается между моих расставленных ног и возится с ремнем и молнией. Облизывает губы, чуть приоткрыв рот, и я вижу четыре искусственных клыка. Значит, полностью отбитая. Так мечтает быть похожей на нас, что согласится на что угодно.

– Ты позволишь мне? Попробовать тебя? – не теряю времени даром.

Есть людей посреди бела дня в общественном месте – довольно неправильно, но мне наплевать. Столик надежно скрыт от чужих взглядов, шлюха не станет отказываться, так к чему приличия?

– Конечно, господин…? – она предвкушающе улыбается, и мое имя ей нужно в качестве трофея.

– Арш Параваль, – улыбаюсь в ответ, видя ее радость.

Конечно, она знает, кто я такой. Мое лицо можно увидеть в каждом номере всех газет и журналов. Интернет пестрит заметками о моей скандальной жизни. Но произнеся имя, я как бы вручаю ей право рассказывать, что она была со мной. Уверен, половина треплющих языками, делает это без разрешения. А треть – просто все выдумала.

Она тянется к резинке моих трусов, и я вдруг останавливаю ее.

– Не надо. Садись рядом.

Шлюшка растерянно улыбается, но делает, о чем прошу. Теперь она совсем рядом, и я понимаю, что вовсе не хочу ее. Сожрать – да, трахнуть – нет. Осторожно прокусываю шею в месте, где виднеются бледно-синие вены. На вкус так себе – сигареты, пиво, иногда наркотики и очень много антибиотиков. Девка постоянно лечится, и я даже догадываюсь от чего. Людям не рекомендовал бы этот клуб. Ем, потому что все равно это лучше, чем из стакана. Боковым зрением вижу, как ее кожа становится все бледнее. Если уж мне сегодня не суждено трахаться, может хоть убить кого-нибудь? Останавливаюсь, осторожно вытаскиваю зубы из ран и прикладываю к ним салфетку со стола. Шлюха в предобморочном состоянии – я, и правда, перестарался. Отпускаю ее кивком головы и закуриваю. Девка уходит, пошатываясь и опираясь на все, что попадается ей на пути. Ничего, пара дней и очухается.

Через пару минут появляется директор клуба. Джеф – гемозависимый и заведение принадлежит ему. Тем не менее, он обильно потеет, суетливо вытирает испарину со лба и заискивающе улыбается. Видимо, последнее время я слишком часто тут бываю.

– Мистер арш Параваль, Лючия вам не понравилась? Могу прислать кого-то другого.

– Нет, спасибо, Джеф, я сыт.

– Я имею в виду…

– Ничего не надо. Я уже ухожу.

Бросаю на стол деньги и действительно иду к выходу. Если потороплюсь, то к ужину буду дома. Водитель, как и всегда, умудряется найти меня, как бы не петлял по городу пешком. Сажусь в машину через квартал от клуба и устало откидываюсь на спинку сидения. Да что это такое со мной? Приворожила меня девчонка что ли?! С одной стороны, подождать осталось совсем немного, а с другой – голодный я ей не очень понравлюсь. Если это слово вообще применимо к нашим отношениям.

Вечерний Лондон стоит, и мы стоим вместе с ним. Обычно такое меня совсем не раздражает, но сегодня я дергаюсь каждые две минуты – нервно смотрю на часы, проверяю новости в смартфоне, будто там может быть что-то интересное.

На этаже сталкиваюсь с Эммой, которая тихо прикрывает дверь в комнату Дэвины.

– Где она?

– Спит, – недоуменно приподнимаю брови, еще совсем рано. – Сказала утром, что плохо спала, и весь день ее учителя гоняли и швеи. Устала. Ужинать будешь?

– Нет, – бросил раздраженно, видит же, что сыт.

У себя раздеваюсь и прямиком иду в душ. Хочется смыть и этот день, и запах других женщин. Привожу себя в порядок, переодеваюсь и топаю в соседнюю комнату. Не хотел, но как магнитом тянет. И надо сказать, чтоб нормальные двери все же поставили!

Дэвина лежит поверх покрывала в домашнем платье. Видимо, и правда, так вымоталась, что прилегла и уснула. И что такого утомительного в этикете и примерках? Сажусь с ней рядом, рассматриваю лицо, обвожу пальцами брови. С ней спящей мне легче, не видно глазищ, которые лишили покоя с нашей первой встречи. И ненависти в них, тоски, смирения, обиды тоже не видно. Так я могу думать, что между нами все не так уж плохо. Глажу ее по щеке, гормоны внутри бушуют и требуют взять свое, но я лишь грустно улыбаюсь и ухожу. Не стоило вчера давать ей личных обещаний, но я и не думал, что будет так сложно держать это слово.

Дэвина

Проснулась посреди ночи, тело затекло от неудобной позы, пуговки впились в кожу. Села на кровати и потерла глаза. Не ожидала, что смогу вот так уснуть. Смотрю на часы – дело к утру. Надо заглянуть в ванную и снова ложиться. Встаю, комната освещена лишь тусклым светом прикроватных светильников, но и этого достаточно, чтобы разглядеть, что панель между моей и соседней комнатой не задвинута. Испуганно замираю, забыв, куда шла. Он был здесь, пока я спала? Зачем? Впрочем, если принюхаться запах его парфюма до сих пор витает в воздухе. Такой же агрессивный и назойливый, как и сам арш Параваль. Медленно и тихо крадусь в сторону проема в стене. Там совсем темно, вряд ли что-то увижу, но какое-то непонятное чувство гонит убедиться, что я в безопасности. Или нет. Щелкаю выключателем, мою спальню заливает яркий верхний свет. Зажмуриваюсь на секунду, когда открываю глаза, понимаю, что и соседняя комната освещена достаточно. Арш Параваль у себя. Он спит, лежа на спине, раскинув руки и ноги в стороны. Простыня укрывает его только ниже пояса, и это отличный шанс рассмотреть мужчину, как следует. Ведь ни в ресторане, ни тем более после, я не могла этого сделать в достаточной мере. Сначала искала новости в интернете с фотографиями, а потом и это бросила. Удивительно и очень странно, что моим первым мужчиной стал тот, кого и не видела толком.

Разглядываю хозяина, затаив дыхание. Он действительно очень и очень красив. Даже для гемозависимого. Правильные, пусть и немного резкие черты лица – высокий лоб, волевой подбородок, высокие скулы, чувственные губы. Однодневная щетина и все еще слегка влажные разметавшиеся по подушке волосы делают его еще привлекательнее. Тело ни в чем не уступает лицу – крепкий, отлично сложенный, крупные умеренно проработанные мышцы. Думаю о том, что прочитала в книгах Эммы. О том, как правильно прикасаться к мужчине, чтобы ему было приятно. К Кэрридану арш Паравалю, наверное, очень приятно прикасаться, если сама этого хочешь. Смогу ли когда-то делать это с радостью? Без страха? Без отторжения и ненависти?

Мужчина размеренно и глубоко дышит. Странно, но сейчас я почему-то почти не испытываю страха. Возможно, уверена, что не проснется. А может, дело в его фантастических глазах. Наверное, это единственное, что я подробно разглядела за все это время. Смотреть в них всегда так страшно, что даже взгляд отвести не могу. Эта черно-фиолетовая бездна буквально затягивает, а алые всполохи не сулят ничего хорошего.

Делаю еще два несмелых шага вперед. В голову лезут неуместные мысли, что простыня, скрывающая самое интересное, все портит. Наверное, было бы чудесно рассмотреть все сейчас, чтобы потом не впасть в панику снова. Тянусь рукой в сторону раздражающей преграды. Ничего ужасного, если немного отодвину ткань, ведь не случится? Картинки в книгах – это, конечно, очень информативно, но спать мне не с ними. Шагаю еще, в этот момент арш Параваль шумно выдыхает и переворачивается на живот. Единственное, что успеваю сделать я – это подумать, что мне конец, зажмуриться и скрестить руки на груди, защищаясь.

На мое счастье мужчина не просыпается, а мне открываются чудесные виды на широкую мощную спину, подтянутую задницу и длинные крепкие ноги. Тоже неплохо, но я не могу оценить этого, потому как сама не своя от ужаса. Сердце колотится, пот струится по спине, кровь стучит в висках. Разворачиваюсь и поспешно покидаю спальню хозяина. Не особо понимая, что делаю, задвигаю панель. И только услышав тихий щелчок, осознаю, что выдала свой визит. С этой стороны открывающего механизма нет, а значит, завтра утром арш Параваль поймет, что я приходила.

Выдыхаю и призываю себя успокоиться. Иду в ванную, где напряженно думаю, что делать и привожу себя в порядок. К концу ежевечернего ритуала в голову не приходит ничего лучше, чем просто все отрицать. Могла же прислуга задвинуть панель? Могла. Поэтому, если спросит, буду разыгрывать недоумения по поводу его домыслов.

День сегодня выдался тяжелый. Учителя изводили по очереди. Было скучно, а вчерашние страхи по поводу бала вернулись. Поэтому, когда пришли швеи, я сначала обрадовалась, но очень скоро разочаровалась в своих чувствах. Они мучили еще сильнее – получая знания, можно было хотя бы сидеть. Мадам Риса с помощницами же поставили меня в центре комнаты на табурет и больше часа подгоняли платье прямо на мне. С перерывами, конечно, но все же. Платье, правда, вышло чудесное! Любая девушка на моем месте была бы в восторге. Особенно радовало, что, несмотря на фото спутниц арш Параваля в прессе, мой наряд оказался очень закрытым. Не считая спины. А так – подол в пол, вырез горловины лодочкой, и даже рукав длинный. Смотрела в зеркало и чувствовала себя принцессой. Платье швеи увезли заканчивать. А туфли и сумочку оставили. Достала коробки из шкафа, чтобы еще раз полюбоваться. Надеюсь, мистер Хич не зря два дня тиранил меня по поводу походки на каблуках и завтра я умудрюсь не пополнить собой светскую хронику. Наверное, смешные будут

заголовки по поводу неуклюжести спутницы наследника арш Паравалей.

9

Дэвина

Осталось всего минут двадцать до того момента, как я покину спальню вместе с арш Паравалем. Нервы на пределе. Эмма смотрит на меня не очень понятным взглядом. Ожидала от нее какого-то одобрения или поддержки, но она молчит. Кручу на пальце семейный перстень и решаюсь сама задать вопрос:

– Что-то не так? Почему ты так смотришь?

– Все так, – отвечает, грустно улыбаясь. – Ты очень красивая, просто воспоминания вдруг нахлынули.

В голове моментально всплывают все ее странные взгляды, точные подробные советы и постоянное чувство, что часто не договаривает. Я так взвинчена, что забываю об осторожности и спрашиваю в лоб:

– Воспоминания? Эмма, а почему ты хозяев называешь по имени?

Отводит глаза и неловко переступает с ноги на ногу, будто я застала ее за чем-то неприличным.

– Все равно узнаешь, – почти шепчет и смотрит в упор. – Я тоже когда-то была наложницей.

Буквально столбенею на месте не в силах выговорить и слово. Нет, этого просто не может быть!

– Но ты же… гемозависимая, – говорю очевидное.

– Да, но так было не всегда, – добивает она мои познания о мире.

Шокировано смотрю на нее, и в этот момент панель с тихим щелчком отъезжает. Арш Параваль входит и застывает на пороге.

Кэрридан арш Параваль

Сегодняшний бал – необходимость, и это нагоняет тоску. Не люблю подобные мероприятия – ни расслабиться, ни выпить, ни подраться. В общем, весь вечер нужно корчить образцового папочкиного сыночка. И самое забавное тут, что все приглашенные точно знают, что я вовсе не паинька. Еще и разрыв с Карлой. Насколько я изучил эту женщину, просто так не отступится. Значит, сегодня меня ждет минимум двойной прессинг – от нее и ее отца. Возможно, и мои родители присоединятся к этому бесполезному занятию.

С этими унылыми мыслями открываю вход в комнату Дэвины и замираю на пороге. Почему-то все это время я продолжал представлять ее официанткой. Скромное темное платье, строгий пучок на голове и нелепый белоснежный передник. Теперь же увидел перед собой роскошную молодую женщину, которая своей красотой и грацией сегодня попортит кровь не одной гемозависимой красотке. Думаю, лучше вообще не оставлять ее без присмотра. Наши женщины довольно ревнивы и скоры на расправу. Не хочу, чтобы с ней случилось то же, что и с Эммой много лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vkusnaya_anastasiya/nalozhnica-pravyaschey-sem-i

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить